

А. П. Чехов). Но вместе с тем пролетарская поэзия, будучи в первую очередь революционной, не могла не считать враждебной себе всякую тенденцию к поиску идеала вне жизни и особенно вне борьбы. Декадентская поэзия была — несмотря на все ее разнообразие — поэзией «мировой скорби», отсутствия перспективы, поэзией (прежде всего) апокалиптической. Напротив, пролетарская поэзия была светлой, оптимистической, полной веры в человека и его силы.

Поэтому рабочие поэты, поэты-революционеры, в некоторых случаях так и оставшиеся неизвестными, создали не только поэзию, призывающую к борьбе, но и новую «эстетическую программу» (*«ars poetica»*), в которой мы находим, в несколько иной форме, все элементы эстетической программы социалистического реализма. Острая полемика с эстетической позицией декадентов здесь несомненна, причем выступает она иногда прямо, явно, иногда — в подтексте. «Нет в моих песнях ни тени искусства», — словно бросает вызов поэтам вообще А. Гмырев. Но эта недооценка своей поэзии, по сути, оказывается у него лишь видимой. Борец имеет в виду только то искусство, которое — по мнению салонных поэтов — должно приносить наслаждение равнодушным. Новую поэзию поймут и оценят иные —

Кто, как и я, беспредельно страдал,
Тот, кто, как и я, в волю светлую верит,
Тот, кто, как я, без борьбы изнывал.

Время требовало — и русская революционная поэзия начала XX века отразила это особенно выпукло —, чтобы все другие источники удовольствия, включая и эстетическое наслаждение, были, хотя бы на время, отодвинуты на второй план. Евгений Тарасов говорит об этом очень выразительно в стихотворении, которое является одновременно и изящной пастелью и пламенной защитой убеждений. Поэт показывает, что и он чувствует красоту природы — он «воспевает» немую красоту, убегающий в темные дали полей «полумрак аллей» из вековых деревьев или зрелище туч, которые все ярче разгораются на закате. Но тут-же добавляет:

Но забыть, что цветы лишь от горечи слез
Так красивы, так ярки на свежем лугу,
Но забыть, что аллеи столетних берез
Рабским потом залиты на каждом шагу,
Что пожары заката — предвестники гроз, —
Никогда я не мог, никогда не смогу.

В другом стихотворении Гмырева та же непоколебимая решимость лирического героя отказаться от всего, что ему мешает полностью посвятить себя революционной борьбе, раскрывается в связи с «вечной темой» любви. Стихотворение является как бы ответом (написанном на несколько десятилетий раньше) на известный призыв Симонова «Жди меня». Борец, который каждый день встречается с опасностью смерти, заклинает возлюбленную: «Не жди меня...» Поэт не отрицает любви,